

Эксперты спорят о том, станет ли «восточный вектор» российского газового экспорта преобладающим

Сохраняющаяся напряжённость в газовых отношениях России и Европы заставляет Москву активизировать поиск возможностей для диверсификации экспорта за счёт поставок в Азию, прежде всего на самый быстрорастущий рынок - в Китай. Видимо, именно поэтому на последнем саммите АТЭС в Гонолулу присутствовал главный российский «газовик» Алексей Миллер. Однако, вопреки самым оптимистичным высказываниям российских руководителей, в полном объёме соглашения с Пекином, которые Москва пытается привязать к европейским принципам ценообразования на газ, до сих пор так и не заключены. Более того, Китай предпочёл купить более дешёвое туркменское сырьё. И хотя «Газпром» подписал меморандум с китайской China National Petroleum Corporation (CNPC) на поставки до 68 млрд м³ газа в год, считать, что газовые дела на линии Москва - Пекин «на мази», пока преждевременно. О том, в чём причины таких задержек, каковы перспективы их устранения, а также способен ли Китай со временем заменить России Европу в качестве основного покупателя «голубого топлива», и шла речь в конце минувшего года во время встречи ряда отечественных экономистов в Институте энергетической стратегии.

ТРИ СЦЕНАРИЯ КИТАЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Николай КУРИЧЕВ, ведущий эксперт-аналитик Института энергетической стратегии (ИЭС): Несмотря на впечатляющие экономические успехи последнего времени, Китай всё ещё остаётся весьма бедной страной. Его подушный валовой внутренний продукт, рассчитанный на основе паритета покупательной способности (ППС), разделённый на количество населения по состоянию на 1 июля 2010 г., составил примерно 7700 долларов, что соответствует уровню Японии 1965-го года, США 1940-го. Не «отстаёт» от ВВП и подушное потребление первичных энергоресурсов: 1,7 т н. э. на человека в год - соответствует уровню той же Японии 1960 г., СССР - 1950 г., США 1920 г.

К тому же Пекин уже сегодня начинает сталкиваться с серьёзными демографическими (к 2030 г. доля лиц пенсионного возраста достигнет 25%), экологическими (в первую очередь, в угольной энергетике), социально-политическими и геополитическими рисками. И всё это, в конечном счёте, может привести к резкому замедлению экономического роста. Надо также упомянуть и о низкой эффективности капитальных вложений, множестве дисбалансов в банковской сфере, в области недвижимости и муниципальных долгов.

Вместе с тем переход от ранней стадии индустриализации к более поздней всегда связан с замедлением экономического роста, который, однако, можно стимулировать ещё не до конца раскрытым потенциалом внутреннего рынка или наличием дееспособного государственного механизма.

Если же вспомнить о перспективах развития Китая в области энергетики, то, судя по материалам целого ряда исследований (World Energy Outlook 2010, China's Energy and Carbon Emissions Outlook to 2050 и других), оно возможно по трём сценариям:

- инерционному, характеризующемуся ростом потребления к 2030 г. топливно-энергетических ресурсов (ТЭР): угля - более чем до 2000 млн т н. э., нефти - до 800 млн т, газа - до 250 млрд м³. В то же время удовлетворение повышающегося спроса на ТЭР будет сопровождаться разного рода ограничениями и рисками: для угля - экологического и транспортного характера; для нефти и природного газа - геополитическими и ценовыми; для ВИЭ - возможными издержками в ходе интеграции в существующие энергосистемы. Словом, энергобаланс в целом окажется крайне напряжённым, провоцирующим дестабилизацию всех видов сырьевых рынков;

- стагнационному, способному вызвать резкое замедление роста энергопотребления. Его структура будет меняться медленно вследствие ограниченных инвестиционных возможностей на фоне других экономических проблем. И тогда потребление угля к 2030 г. едва ли превысит 1500 млн т н. э., нефти - 700 млн т, газа - 250 млрд м³. К тому же этот сценарий обусловлен острым кризисом в угольной отрасли;

- инновационному, предполагающему, что Китай сможет динамично перейти к менее энергоёмкому типу развития, значительно смягчив уже сложившиеся дисбалансы. Умеренный рост энергопотребления резко расширит свободу манёвра, даст возможность оптимизировать структуру энергобаланса. Потребление угля (к 2030 г.) увеличится незначительно, а затем вновь начнёт падать. Спрос на нефть, существенно повысившись (до 2030 г.), впоследствии начнёт снижаться благодаря развитию автомобилестроения на электротяге. В то же время опережающими темпами станет расти потребление природного газа, использование атомной энергии и особенно ВИЭ.

Тем не менее, развиваясь по любому из приведённых выше сценариев, Китай всегда будет играть на мировой энергетической арене одну из ключевых ролей. Но при инерционном варианте это будет «энергетический монстр», перерабатывающий гигантское количество ресурсов в столь же масштабное... количество отходов; в стагнационном - «больной человек», переживающий разного рода энергетические «осложнения», медленно выздоравливающий за счёт импортных «вливаний»; в инновационном - «лидер» по внедрению всякого рода новшеств, в том числе и в сфере нетрадиционной энергетики...

ГРЯДЁТ «РЕСУРСНАЯ ПАУЗА»

Алексей БЕЛОГОРЬЕВ, руководитель Экспертно-аналитического управления по ТЭК Института энергетической стратегии: В последнее время стали появляться всё более радикальные прогнозы по спросу на газ в Китае к 2020 г. - вплоть до 450 млрд м³ в год (то есть со среднегодовым приростом потребления в 2012-2020 гг. в 15,1%). В то же время при планируемом к 2020 г. росте населения до 1,45 млрд человек (согласно переписи ноября 2010 г. было 1,34 млрд) подушное потребление газа возрастёт с 0,09 в 2011 г. до 0,2-0,22 тыс. м³. Для сравнения, сегодня в России оно составляет 2,9, в США - 2,2, в ЕС-27 - 0,98 тыс. м³ на человека.

Очевидно, что ни до уровня Европы, ни тем более до уровня Северной Америки и России Китай никогда не дойдёт, во всяком случае, если на газовом рынке не произойдёт чего-либо из ряда вон выходящего. Большие сомнения вызывает даже то, что он поднимется до сегодняшнего показателя Японии (0,74 тыс. м³ на человека). Таким образом, насыщенность рынка Китая, как и Индии, невозможно измерять подушным потреблением. Тем более маловероятно, учитывая специфический топливно-энергетический баланс Китая с абсолютным доминированием угля, 68%, и газа, 4,4%, против 25,6% в ЕС-27 и 27,2% в США, что «голубое топливо» в обозримой перспективе будет играть здесь столь же важную роль, как в развитых странах. Предельным ориентиром для КНР пока служат Япония (доля газа в ТЭБ - 16,7%) и Республика Корея (15,1%). Однако и такой доли Китай вряд ли достигнет ранее 2040 г.

Стремительное расширение спроса на газ в Китае в 2000-е годы в целом не было экономической необходимостью, а в большей степени обуславливалось политикой диверсификации, «насыщения» ТЭБ. В связи с этим было бы странным предполагать, что в дальнейшем политические расчёты станут играть меньшую роль в динамике спроса на газ, чем сегодня. А с точки зрения политики одной из ключевых угроз становится снижение энергетической безопасности в результате лавинообразного роста доли импорта в потреблении. Если по всем первичным энергоносителям она составляет 8% (в 2009 г. - 10,4%), то по нефти превысила уже 55%, что начинает вызывать серьёзное беспокойство у руководства страны (тем более что доля нефти в общем импорте Китая достигла уже 10%, то есть стала заметно влиять на торговый баланс).

Импортировать газ Китай начал в 2006 г. (нефть - ещё в 1994 г.), и сегодня доля закупок за рубежом достигла 11,2%. Внутренняя добыча не успевает за спросом и к 2020 г. вряд ли превысит 185 млрд м³, а к 2030 г. - 300 млрд м³ в год. Таким образом, даже при минимальной оценке спроса (290 млрд м³) в 2020 г. доля импорта составит 36%, а скорее всего, превысит 40%. То есть достигнет пороговой отметки для поддержания энергобезопасности. Следует отметить, что для газа этот показатель значительно ниже, чем для нефти. Так, в США, импортирующих 60% потребляемой нефти, доля импорта газа (даже в пиковые периоды спроса) никогда не превышала 18%, а во времена наиболее бурного роста держалась в районе 9-13%. После превышения импортом доли в 16% в 1995 г. вплоть до 2007 г. наблюдалась устойчивая стагнация спроса, которая закончилась только на фоне «сланцевой революции», вызвавшей резкое снижение доли импорта (в 2010 г. - 10,6%). В ЕС, изначально менее обеспеченном газовыми ресурсами, чем Северная Америка, доля газового импорта достигла сегодня 64,5%. Однако если вычесть из импорта Норвегию, политически и экономически ассоциированную с ЕС (даже более, чем Канада с США), то зависимость составит 43,4%. Причём после того, как в 2005 г. доля импорта газа впервые превысила 40%, в Европе началась стагнация спроса, не завершившаяся до сих пор (в 2011 г. вновь ожидается падение потребления на 5-7% к 2010 г.). Тот уровень зависимости развитых стран от импорта нефти, который определил структуру мировых торговых потоков и многие геополитические события в последние 40 лет, никто не хочет переносить ещё и на газовый рынок. Но это пока мало осознаётся странами-экспортёрами газа, включая Россию. Подобную зависимость вряд ли сможет позволить себе Китай, впитывающий как

губка все новейшие достижения и тенденции развитых стран в области энергетики. В результате после 2020 г. есть все основания ожидать наступления в КНР «ресурсной паузы» - резкого снижения темпов прироста потребления газа.

МНЕНИЕ

Россия в роли... китайской лошади

Алексей МАСТЕПАНОВ,

советник заместителя председателя правления ОАО «Газпром»

До недавнего времени вся политика Китая базировалась на том, что цена газа должна соответствовать или даже конкурировать с ценой угля - всё ещё основного для него вида топлива. В последние годы, правда, эта позиция начала меняться. Теперь китайцы стали понимать, что дешёвого газа быть не может, что это - более эффективное, экологически более чистое и более технологичное топливо, чем уголь, но, правда, и более дорогое. Тем не менее в своей «закупочной политике» Пекин всё же старается пока делать акцент на самые дешёвые его виды. Хотя если ему это не удаётся, то берёт и более дорогие...

В то же время рынок газа в Китае только формируется, и он, как потребитель, ещё до конца не прочувствовал вкуса «голубого топлива». Можно ли «обучить» его этому на базе российского «материала»? Или же стоит подождать, пока в Пекине оценят преимущества данного вида энергоресурсов, а цены на него в мире подрастут ещё больше? Словом, перед Россией стоит дилемма: либо начинать взаимодействовать с Китаем, либо отложить это «на завтра», рискуя опоздать.

Тем временем КНР ведёт себя более чем активно, стараясь, если удаётся, навязывать будущим поставщикам собственную волю. Так, в своё время она весьма оперативно сработала в Средней Азии, дав ей кредиты и технологии.

А какую роль в этом процессе отводят России сами китайцы? Они неустанно повторяют: мы - партнёры, наши экономики хорошо дополняют друг друга, у вас - ресурсы, у нас - рынок. Это как всадник и лошадь. Возникающий при этом вопрос: «Кто есть кто?» - весьма риторический. И кто будет спрашивать лошадь - знай, гони себе!